

DOI 10.15826/qr.2018.4.354

УДК 81:39+811.161.1'282(282.247.41)+811.161.1'38

ОБРАЗ ВОЛГИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ*

Юлия Кривошапова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE IMAGE OF THE VOLGA IN THE RUSSIAN LANGUAGE TRADITION

Yulia Krivoschapova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article reconstructs the image of the Volga in the Russian language, mostly referring to material from Russian dialects. The author focuses on the derivational and phraseological word family of the word *Волга* (Volga), i. e. the semantic and word-formative derivatives of the hydronym, as well as idioms and the paremiology based on it. Relying on the results of an ideographic analysis of the material, the author singles out several subject groups containing derivatives of the hydronym *Волга*, including “geography”, “hydrological characteristics”, “society”, and “material culture”. The author maintains that these denotative groups are unequal, with the sphere of society being the most detailed from the point of view of the lexical units it contains and semantics. In people’s consciousness, the image of the Volga is most closely connected with barge haulers and seasonal work. According to the author, the linguistic data described corroborate the anthropomorphic image of the Volga existing in folklore. The river is portrayed as a cheerful, lively, and smart person (a young girl). As well as the depiction of the Volga, the article puts forward a few motivational interpretations for a number of less clear idioms with components connected with *Волга*.

Keywords: Russian studies; ethnolinguistics; semantic derivation; Russian dialect vocabulary; phraseology; derivatives of toponyms.

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

** Citation: Krivoschapova, Yu. (2018). The Image of the Volga in the Russian Language Tradition. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1188–1201. DOI 10.15826/qr.2018.4.354.

Цитирование: Krivoschapova Yu. The Image of the Volga in the Russian Language Tradition // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1188–1201. DOI 10.15826/qr.2018.4.354 / Кривошапова Ю. Образ Волги в русской языковой традиции // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1188–1201. DOI 10.15826/qr.2018.4.354.

Статья посвящена реконструкции языкового образа реки Волги. Материалом для анализа послужили преимущественно диалектные данные русского языка. В центре внимания – деривационно-фразеологическое гнездо с вершинным словом *Волга*, то есть семантические и семантико-слово-образовательные дериваты гидронима, фразеология и паремиология с его участием. В результате идеографического анализа материала были выделены предметно-тематические сферы, демонстрирующие присутствие дериватов гидронима *Волга*: «География», «Гидрологические параметры», «Социум» и «Материальная культура». Отмечается, что наполнение обозначенных денотативных зон неравномерно, и наиболее детализированной в лексико-семантическом плане сферой является «Социум»: образ Волги в народном сознании тесно связан с бурлачеством и отхожими промыслами. Лингвистические данные, по мнению автора, поддерживают существующий в фольклоре антропоморфный образ Волги. Река представляется в виде веселого, бойкого, умного человека (скорее молодой девушки). Помимо портрета Волги, предлагается ряд мотивационных решений для непрозрачных фразеологизмов с «волжским» компонентом.

Ключевые слова: русистика; этнолингвистика; семантическая деривация; русская диалектная лексика; фразеология; оттопонимические производные.

Волга – один из важнейших природно-культурных символов России. На протяжении многих столетий эта река была для России главной водной артерией, связанной со многими важными историческими событиями страны. Образ *Волги-матушки* входил в разнообразные по жанру фольклорные произведения. И в словесной культуре он не обойден вниманием ученых – культурологов, литературоведов, фольклористов. Например, в 2004 г. на конференции «Ономастика Поволжья» состоялся круглый стол, посвященный представлениям о Волге, закрепленным в русской культуре. Результатом этого обсуждения, в частности, стала статья Т. Н. Кожинной и Н. В. Лекомцевой «Волга как прецедентный знак русской культуры», в которой на примерах из литературы, фольклора и изобразительного искусства XVI–XX вв. показывается, как гидроним *Волга* превращается в многосмысловой знак – емкий ментально-географический образ, символизирующий мощь и красоту России [Кожина, Лекомцева]. Аналогичная проблематика представлена в работе В. И. Супруна [Супрун]. Концепту Волги в русской культуре посвящена диссертация М. Х. Кусмидиновой, в которой представлен его комплексный философско-культурологический анализ на примере российского культурного дискурса [Кусмидинова]. Способы репрезентации русскости в концепте «Волга русская река» анализируются в монографии М. В. Лескинен. Автор выявляет эволюцию образа реки в искусстве и постепенную концептуализацию идеи «русскости» Волги [Лескинен].

В дискурсе Сталинградской битвы к образу Волги обращается О. В. Рябов. Автора интересуют методологические основания исследования, связанного с гендерным измерением репрезентаций рек в национальном дискурсе (*Волга-матушка*). Ученый стремится ответить на вопрос, какое место представления о «материнской» природе Волги занимали в советской культуре 1920–1930-х гг. Для этого анализируются формы и функции включения образа Волги-матушки в описание военных событий [Рябов; Riabov].

В 2017 г. вышел сборник «Фольклор Большой Волги», в котором появилась статья М. В. Строганова «Большая Волга в русском фольклоре». Автор рассматривает выражение *Волга-матушка* как одну из моделей национальной идентификации. Исследователь задается вопросом о времени возникновения в фольклоре текстов, связанных с образом Волги, и устойчивого эпитета *матушка*. Проанализировав ряд текстов, М. В. Строганов делает вывод, что выражение *Волга-матушка* в современном значении не является собственно народным: оно проникло в литературные тексты из исторических песен, где Волга была «матерью» для казаков, а затем вошло в широкий народный обиход [Строганов].

Уделяли внимание образу Волги и лингвисты, однако языковедческие и лингвокультурологические исследования, связанные с этим гидронимом, ориентированы преимущественно либо на этимологию самого слова *Волга* (см.: [Топоров; Аникин; Пospelов]), либо на воссоздание «волжского текста» в литературе и фольклоре (см.: [Белкин; Никольский; Одесский и др.]). При этом до сих пор не предпринималось комплексное изучение деривационно-фразеологического гнезда¹ с вершинным словом *Волга*, которое позволило бы восстановить системно-языковой образ главной реки России с опорой на лингвистические данные. В гнездо с вершинным словом *Волга* входят нарицательные лексемы (арх. *волга* ‘ручей, образующийся во время половодья; русло такого ручья’); антропонимы (*Дуня Волга* ‘прозвище жительницы Верхнетоемского района Архангельской области’); устойчивые сочетания и фразеологизмы, включающие сам гидроним (фольк. *Волга-матушка*, коми *Волга ходит долго* ‘об умном, опытном человеке, умеющем с выгодой для себя выполнить любое дело’; карел. *как Волга* ‘о веселом, бойком и быстром человеке’; без указ. места *по Волге зайчики бегают* ‘пена на пиве, капусте’; морд. *хоть Волгу с Сурой пой* ‘о крайне затруднительном положении’) или его производные (перм. *волжское солнышко* ‘месяц, луна’; морд. *уходить в заволгу, ходить по заволгам* ‘ходить на заработки’). Указанные дериваты образуют ядро языкового образа Волги. Периферию же составляют свободные текстовые сочетания – например, пословицы и поговорки (народн. *на словах Волгу переплывает, а на*

¹ Под термином *деривационно-фразеологическое гнездо* мы понимаем вербальный комплекс, в который входят семантические и семантико-словообразовательные дериваты исследуемого слова, фразеология и паремиология с его участием.

деле – ни через лужу ‘о хвастливом человеке, краснобае’). В некоторых случаях для характеристики «волжского пространства» привлекаются фольклорные и литературные тексты, подкрепляющие или дополняющие системно-языковой портрет Волги.

Диалектный материал располагается по предметно-понятийным сферам, которые определяются исходя из внутренней формы лексем и фразеологизмов и с опорой на значения дериватов гидронимов. Таким образом, способ подачи языковых фактов – идеографический.

«География» Волги

Волга (прил. *во́лжский, приво́лжский, заво́лжский*) – название крупнейшей реки Европейской части России и Европы, которая берет начало в Тверской области и впадает в Каспийское море². По своему историческому и культурному статусу Волга занимает центральное место среди других рек страны (конкуренцию ей составляет, пожалуй, только Дон). Являясь *матерью всех рек русских*³, Волга для жителей России становится архетипом реки вообще: например, в различных нарративах гидроним *Волга* употребляется для обозначения любой большой реки. В записи фольклорного рассказа о Богородице «Троеручице» говорится: «Богородица побежала, а впереди река. Она так измолилась: “Господи, дай мне третью руку. Одной-то рукой надо Христа держать, другой грести”. Богородица-троеручница-то, коль так. – А бабушка, какая река? – Так *Волга*, какая еще-то!» [КСГРС].

С некоторой долей осторожности можно сказать, что ряд *Волга* = *река* = *вода* поддерживает существование вторичных гидронимов, обозначающих объекты, которые географически не связаны с рекой *Волгой* (ср. арх. *во́лга* – в архангельской топонимии в названии ручьев [ТКТЭ]), а также наличие гидрографических апеллятивов с корнем *волг-* (*вол(о)ж-*) (ср. волж. *во́лжка, воло́жка* ‘рукав Волги или Камы; ручей’, арх. *во́лга* ‘ручей, образующийся во время половодья; русло такого ручья’ [АОС, т. 5, с. 35]). Нельзя исключить, что эти лексемы могли возникнуть независимо от гидронима *Волга*, в рамках гнезда корня *волг-* (рус. *волог-*, ст.-слав. *влаг-* ‘влажность’, праслав. **vylga* (**Vylga*) ‘ручей, река’) [Фасмер, т. 1, с. 337, 341]⁴.

В текстах исторических песен, баллад, сказаний и паремий *Волга* часто соседствует с контекстуальными партнерами – названиями других крупных рек (*Двина, Днепр, Дон, Дунай*) или именами своих притоков (*Сура, Вазуза*). Разное контекстуальное соседство демонстрирует разные смысловые отношения: антонимические, синонимические

² Географический факт впадения Волги в Каспийское море – символ бесспорности и банальности информации, что отражено в разг. *Волга впадает в Каспийское море* ‘о банальной истине’ (ср. цитату из рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре»).

³ Часто в литературе и народном творчестве *Волга-матушка* и под.

⁴ Связь гидронима *Волга* с корнем *волг-/волог-/влаг-* остается под вопросом, но здесь мы не будем углубляться в этимологию потамонима.

и патронимические. Логика «гендерного» противопоставления связывает Волгу с Доном (шир. распр. *Волга-матушка* и *Дон-батюшка*). По **характеру течения** Волга противостоит Дунаю (*Волга – плыть долго, а Дунай – широко* [Даль ПРН², с. 241]).

Обычно выделяют *Верхнюю Волгу* (до впадения в Оку), *Среднюю Волгу* (до впадения Камы) и *Нижнюю Волгу* (ниже места впадения Камы и до бассейна Каспийского моря). В народной гидрологии существует *Зáволга* – обычно левый берег Волги, куда уходили на заработки, ср. морд. *ходить по зáволгам* ‘уходить на заработки’ [СРГМ, т. 2, с. 68]. Впрочем, это мог быть и просто другой (противоположный) берег, ср. *завóлга* ‘часть города, находящаяся на другом берегу Волги’ [ЯОС, т. 4, с. 61]⁵. Выделяется и *Поволжье* – бассейн Волги, приволжские территории, ср. разг. *голодающий Поволжья* ‘об очень голодном человеке’ (здесь отражены представления о голоде, начавшемся в Поволжье в 1921 г.).

Движение по Волге осуществляется сверху вниз (от верховья к низовьям, с севера на юг), что соответствует как географической, так и «торговой» логике: путь по Волге нередко назывался *дорога на низ*; выражение *низ реки*, по замечанию В. И. Даля, относится к Волге, и все города ниже Симбирска зовут *низовыми* [Даль, т. 2, с. 544]. М. Фасмер приводит названия *низ, низовская земля*, которые в древнерусском языке обозначали все Поволжье вниз от Твери [Фасмер, т. 3, с. 73]; волжские бурлаки называются *низовые* [Даль, т. 2, с. 544], множество старинных русских народных песен имеют зачин *Вниз по матушке по Волге* (*Вниз по Волге реке*), который в дальнейшем лег в основу просторечного выражения со значением ‘грубо ругать кого-то, пытаясь отделаться, избавиться; куда-нибудь подальше’ [БСРП, с. 387].

Гидрологические параметры

Волга представляется (и является) широкой и полноводной рекой. Ширина Волги отражена в пословицах типа: *Этот нос – через Волгу мост* ‘о чем-либо очень большом, длинном носе’ [Михельсон, т. 1, с. 97]; *В ложке Волги не переедешь* [Даль, т. 2, с. 263]. Наряду с шириной Волги обязательно отмечается и ее длина (действительная длина Волги равняется 3 530 км, и река считается самой длинной в Европе), ср. *Волга – плыть долго, а Дунай – широко* [Даль ПРН², с. 241]; печор. *Волга ходит долго* ‘об умном, опытном человеке, умеющем с выгодой для себя выполнить любое дело’ [ФСНП, с. 139] (семантика длины и долготы переходит в семантику опыта и *долгого ума*).

Представления о полноводности Волги отражены в выражении *льется как Волги вода* ‘беды следуют одна за другой, постоянно’ (фолькл.) [БСРС, с. 108]. Конкуренцию Волге по полноводности составляет Кама, ср. *слёз у кого сколько на Каме воды* ‘о множестве слез от тяжелой жизни’ [Там же, с. 105, 241].

⁵ Подробнее об административном делении Поволжья см.: [Лескинен, с. 583–590].

Течение Волги изобилует изгибами (астрах. *кривая Волга* 'о рукаве Волги') и притоками – в Поволжье широко распространено слово *во́ложка* или *во́лжка* в значении 'приток или рукав Волги' [Копылова, с. 32], симб. *во́лжка* 'рукав или протока Волги, образующий остров' [СРНГ, т. 5, 39]. Волга имеет крутые берега, ср. *знать ямскую по столбам, а Волгу по крутым берегам* [Даль ПРН², с. 620]. Быстрота течения, прихотливость береговой линии и общее эстетическое впечатление от реки легли в основу комплексной мотивации и отразились в оценочных определениях человека типа карел. *как Волга* (о жизне-радостном, быстром и веселом человеке) [БСРП, с. 108], ср. еще прозвище жительницы Верхнетоемского района Архангельской области *Дуня Волга* с пояснением «Дуня Воўга лоўкая баба, весёлая» [АКТЭ].

Социум

Низовая Волга (чаще левобережная) всегда считалась местом отхожего промысла, куда обедневшие «кабальные» крестьяне отправлялись подзаработать, ср. морд. *ходить по за́волгам* 'работать по найму в разных местах'; *нечем платить долгу, так идти на Волгу* [Даль, т. 1, с. 462]. Как правило, люди нанимались в бурлацкие артели, а те, кто не могли найти работу, нередко промышляли разбоем. Поэтому Поволжье считалось не только местом шальных денег и богатого заработка (ср. костр. *как с Волги* 'о человеке, идущем с ношей, грузом; о богатом человеке': «Ой, идет, как с Волги, – человек нагрузился если. Потому что с Волги матки ходили груженные да с Волги с деньгами приезжали всегда» [ЛКТЭ]), но и опасной территорией, где много лихих людей (ср. 'ирон. *люди честные, поволжане* (то есть разбойники)' [Даль ПРН, т. 1, с. 180]) и легко сгинуť, ср. *Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть недалече* = от судьбы не уйдешь (то есть смерть ждала не где положено, далеко = вниз по Волге, а рядом) [Даль ПРН, т. 1, с. 9].

Основной социальный слой, связанный с работой на Волге, – бурлаки. Ходок по Волге, или бурлак, назывался *волгарь* [Даль, т. 1, с. 232], который *волгарил* (то есть бурлачил) (без указ. места) [СРНГ, т. 5, с. 37]. Языковые данные демонстрируют, что в бурлачестве люди часто опускались и теряли человеческий облик, ср. (без указ. места) *навóлжиться* 'в бурлачестве на Волге выучиться пьянствовать, буянить, мошенничать и пр.' [Даль, т. 2, с. 388].

Отражены в языке и представления о песенной традиции, которая в народной/бурлацкой среде всегда была на Волге очень развита. Выдерживать темп движения в некоторых особых случаях бурлакам помогала песня, которая пелась для координации сил артели. Существует особая техника поволжского или саратовского певческого стиля, который характеризуется протяжностью и открытой разговорной манерой пения. С волжской песней связан просторечный фразеологизм с эвфемистическим оттенком (*посылать/отправлять*) *вниз по матушке по Волге* 'грубо ругать кого, пытаться отделаться, из-

бавиться'; 'куда-нибудь подальше' [БСРП, с. 388]. Эта фраза является зачином старинной русской народной песни, первая публикация которой представлена М. Д. Чулковым в 1780 г. [Чулков, ч. 2, с. 205]. Определенную роль в формировании семантики выражения сыграло слово *матушка* (ср. прост. *пустить по матушке*, то есть послать матом, сибир. *большая матушка* 'самая оскорбительная брань', прост. *по матушке* 'ругаться с использованием матерных слов'). В словаре русских пословиц в качестве первого значения фраземы отмечается каламбурная ассоциация с широко распространенным выражением *посылать по матушке* [БСРП, с. 198–199].

Рассмотрим в песенном контексте фразеологизм, зафиксированный на территории Мордовии: *хоть Суру с Волгой пой (кому)* 'обращение к тому, кто очень упрям': «Говорю: не ходите в бурю такую, да разве послушают, им *хоть Суру с Волгой пой*» [СРГМ, т. 1, с. 146]. Река Сура является правым притоком Волги. Синтаксически и семантически фразема близка устаревшему разговорному выражению *хоть матушку репку пой (кричи)*, которое фиксируется в ряде диалектных и фразеологических словарей и обозначает либо сложную безвыходную ситуацию, либо зря потраченные усилия (что ни делай, как ни проси, не поможет). В. И. Даль приводит комментарий относительно этого выражения – «непристойная песня». М. И. Михельсон и В. М. Мокиенко также связывают фразеологизм с похабной песней, где эвфемистически обыгрывается слово *матушка* [Михельсон, т. 2, с. 476]. Вероятно, речь идет о песенном сюжете «Посадил дед репку, / Не густу, не редку», где дед (зять) вступает в половую связь с тещей; в некоторых вариантах записи этой песни фиксируется употребление обсценной лексики⁶ [РЭФ, с. 122]. Возможно, что *матушка-репка* в составе фразеологизма метонимически обозначает неприличную песню с использованием нецензурных слов. Можно предположить, что в выражении *хоть Суру с Волгой пой* устойчивый песенный эпитет *матушка* по отношению к Волге просто опущен, и оба эти выражения в буквальном смысле обозначают «петь матерные песни», а в переносном – «использовать брань как последнее средство убеждения или облегчения в безвыходной ситуации», когда «цензурных слов не хватает».

В контексте бурлацкого быта можно рассмотреть словосочетание *волжское солнышко* (перм.), обозначающее луну (месяц) и имеющее варианты с тем же значением – *казанское солнышко* (перм.) и *бурлацкое солнышко* (дон., перм.). С одной стороны, эти обозначения луны можно поставить в ряд с другими восточнославянскими определениями ночного светила типа рус. сарат. *мордовское солнышко*, *мордовская копеечка* 'о луне', влг. *казанское солнышко* 'о месяце во время осенней жатвы', краснодар. *цыганское солнце* 'луна', укр. *цыганське сонце* 'месяц', блр. *цыганскае сонца* 'то же' и рассмотреть в рамках

⁶ Рассуждения о «срамной» и «низовой» семантике «репы» мы оставим за скобками и отошлем читателя к работе Т. Н. Бунчук [Бунчук].

ксенономинии. Как отмечает Е. Л. Березович, языковые факты такого рода трактуют луну как «неправильное» солнце, его «испорченный двойник» (ср. рус. костр. *ночное солнышко*, польск. *pospie słońce*) [Березович, с. 214]. В этом случае *волжское* (оно же *казанское*) *солнышко* вполне вписывается в эту картину. С другой стороны, возможно и другое мотивационное решение: *волжское* или *бурлацкое солнышко* – это источник света для представителей ночных профессий, например, цыган и разбойников, к которым могли примыкать и вольнонаемные бурлаки, ср. южн. *бурлак* ‘бездомок, шатун, побродяга’ [Даль, т. 1, с. 143].

Другая социальная группа, связанная с Волгой, это разбойный люд. По «мнению» языка, люди, попавшие на Волгу, могли *наволжиться*, то есть выучиться пьянствовать, буяннить, мошенничать и пр. [Даль, т. 2, с. 388]; ср. еще *здесь народ волгарь; я, брат, и сам с Волги; народ тертый, плут, я и сам наторел, знаю вашего брата* [Даль, т. 1, с. 236]. Волжская территория считалась местом вне закона и часто оказывалась прибежищем преступников или беглых каторжников, ср. *волгарь* шутол., угол. ‘заключенный, работающий на воле в речном пароходстве’ [БСЖ, с. 104], арготич. *волжский грузчик* ‘непрофессиональный преступник, попавший в места лишения свободы за случайное преступление’ [Андреев, с. 72], *из Волги приехать* арест., угол. ‘самовольно вернуться из колонии’ [БСЖ, с. 104]; *приезжий с Волги* ‘осужденный, бежавший из ИТУ’; *волга* угол. ‘сигнал к началу драки’ [Там же, с. 104]⁷. Возможно, свою роль здесь сыграло фонетическое притяжение (*Волга* – *воля*): человек с Волги = человек с воли. Уместно вспомнить, что гидроним *Волга* входит в список топонимов, служащих основой для фамилий литературных героев. Фамилию *Волгин* носит герой романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (1871). Кажется, что выбор писателем «волжской» фамилии обусловлен несколькими причинами. Во-первых, герой Чернышевского благодаря фамилии хорошо вписывается в классический ряд «речных» литературных фамилий (*Онегин*, *Ленский*, *Печорин*). Во-вторых, сам Чернышевский был родом из Саратова, и Волга была его родной рекой (и этот факт поддерживает идею о том, что прототипом героя был сам автор). Наконец, думается, что фамилия *Волгин* привлекла русского революционера-демократа своим созвучием со словом *воля* (как известно, писатель был вдохновителем тайного революционного общества «Земля и воля»). Вероятно, этим же (а также общими «вольными» коннотациями *Поволжья*) фамилия *Волгин* привлекла и Г. В. Плеханова, который использовал ее как псевдоним.

⁷ В. Н. Андреев отмечает, что «значение фразеологизма *из волги приехать* ‘бежать из тюрьмы или колонии’ не связано со значением арготизма *волга* ‘сигнал к началу драки’» [Андреев, с. 73], очевидно, считая *волга* ‘сигнал к началу драки’ омонимом гидронима *Волга*, что, к сожалению, никак не проясняет происхождение арготизма.

Материальная культура

Волжским называли белый хлеб, привозимый с низовий Волги, а затем прилагательное *волжский* приобрело качественное значение и стало обозначать (особенно на относительно далеких от Поволжья территориях) вообще вкусный, хорошо удавшийся хлеб: ср. костр. *волжский* 'вкусный, хорошо испеченный (о пирогах, выпечке)': «Пироги если всем дошли – волжские. Раньше на Волге пекли ба-ранки, батоны, оттуда привезут их, волжский каравай тоже привезут. Рекой когда гоняли к Горькому лес-от». Действительно вкусная выпечка получала знак качества посредством сравнения: *как с Волги* 'о вкусных, хорошо испеченных пирогах': «Какой вкусный хлеб – как с Волги! Раньше со сплавом ходили на Волгу, дак приносили хлеб-от»; костр. *как с Волги (хлеб)* 'о хорошем, пышном хлебе из белой муки': «Хорошо испекла – ну, скажут, как с Волги, хороший, белый хлеб, пышный каравай» [ЛКТЭ].

На территории Костромской обл. фиксируется также словосочетание *заволжские яблоки* с таким мотивировочным контекстом: «У нас своих-то яблок не было, только дички. Появились когда-то завосьские яблоки. Вот не понимали мы тогда, что это. То ли из-за Волги, то ли завезенные, “завозские”» [ЛКТЭ]. Из объяснений информанта остается непонятным, прибыли яблоки из-за Волги или их просто откуда-то привезли (то есть они *привозские* = *привозные*). Однако существование словосочетания *заволжская яблоня* 'яблоня, дающая «культурные» сорта яблок' [ЛКТЭ] и контекст «У нас в Костроме были свои дички. Яблоки мелкие, кислые. Стали привозить из-за Волги заволжские яблоки. Не, их яблоки крупные. От чебоксарцев. Не сравнить с нашей дикаркой. Ой, скажут, какие завосьские яблоки. Завосьские старушки звали. Как привозные и как заволжские» [Там же] поддерживают идею о том, что речь идет о культурном сорте яблок из Чебоксар, более крупных (и, следовательно, лучших) по сравнению с местным костромским дичком.

* * *

Изучение деривационно-фразеологического гнезда с вершинным словом *Волга* показало, что «волжская» лексика в основном зафиксирована в говорах Поволжья (астраханские, костромские, пермские, саратовские говоры, а также говоры на территории Республики Мордовия). На северо-западе России граница ареала пролегает по Вологодской и Архангельской областям. Можно сказать, что условно восточная граница ареала проходит в низовьях реки Печоры в Республике Коми. Были выделены предметно-тематические сферы, которые позволили увидеть, что Волга в народном сознании – это очень длинная, широкая, полноводная река с быстрым течением и причудливым

береговым рельефом, которая оказывается воплощением водной стихии, в своем роде архетипом реки вообще, матерью всех рек.

«Волжская» материальная культура отчасти представлена в языке предметами торговли (выпечка). Наиболее наполненной денотативной зоной оказался «Социум»: образ Волги тесно связан с бурлачеством и отхожими промыслами.

В русском языковом сознании маркирован и образ Поволжья: с одной стороны, это богатый край и место отхожего промысла, с другой, это опасная территория, связанная с разбойным и лихим людом. Выяснилось также, что лингвистические данные поддерживают существующий в фольклоре конкретный антропоморфный образ Волги. Река является нам как в виде веселого, бойкого, умного человека, так и в облике молодой девушки.

Образ реки Волги в целом оценивается положительно, фольклорные и литературные тексты изобилуют мелиоративными эпитетами; широко используется образ матери. Позитивно оценивается в языке и территория Поволжья (Заволжья), которая осмысливается как место отхожего промысла, где можно заработать, воспринимается как богатый привольный край.

Сокращения в названиях диалектов

арх. – архангельские говоры русского языка
астрах. – астраханские говоры русского языка
симб. – симбирские говоры русского языка
влг. – вологодские говоры русского языка
волж. – волжские говоры русского языка
ворон. – воронежские говоры русского языка
дон. – донские говоры русского языка
карел. – русские говоры на территории Республики Карелия
коми – русские говоры на территории Республики Коми
костр. – костромские говоры русского языка
краснодар. – краснодарские говоры русского языка
курск. – курские говоры русского языка
морд. – русские говоры на территории Республики Мордовия
перм. – пермские говоры русского языка
сarat. – саратовские говоры русского языка
сибир. – сибирские говоры русского языка
южн. – южнорусские говоры русского языка

Список литературы

АКТЭ – Антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Андреев В. Н. Арготические фразеологизмы, включающие имена собственные и их омонимы // Филол. науки : Вопр. теории и практики : в 3 ч. Тамбов : Грамота, 2016. № 11 (65). Ч. 1. С. 72–74.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1. 368 с.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1. 168 с.

Белкин Д. И. Образ Волги-реки в структуре романа И. А. Гончарова «Обрыв» // И. А. Гончаров : материалы Междунар. конф., посв. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / сост. М. Б. Жданова и др. Ульяновск : Печатный двор, 1998. С. 186–195.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне : Семантико-мотивационная реконструкция. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

БСЖ – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2000. 720 с.

БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.

Бунчук Т. Н. Репа в традиционной картине мира : (Опыт реконструкции концепта) // Лингвофольклористика : сб. науч. ст. Вып. 3 / отв. ред. А. Т. Хроленко. Курск : Изд-во КГУ, 2000. С. 44–56.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1994.

Даль ПРН – Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. СПб. ; М. : Изд-во М. О. Вольфа, 1879.

Даль ПРН² – Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : АСТ ; Астрель, 2008. 752 с.

Кожина Т. Н., Лекомцева Н. В. Волга как прецедентный знак русской культуры // Ономастика Поволжья : материалы IX Междунар. конф. по ономастике Поволжья. Волгоград, 9–12 сент. 2002 г. / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 10–15.

Копьлова Э. В. Словарь рыбаков Волго-Каспия. М. : Водолей Publ., 2002. 192 с.

КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

Кусмидинова М. Х. Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань : [Б. и.], 2010. 19 с.

Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности : Век XIX. М. : Индрик, 2016. 680 с.

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний : в 2 т. / предисл. и коммент. В. М. Мокиенко. М. : Рус. словари, 1994.

Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века. Калинин : [Б. и.], 1973. 226 с.

Одесский М. П. Волга – колдовская река : От «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» // Геопанорама русской культуры : Провинция и ее локальные тексты / ред. А. Ф. Белоусов, В. В. Абашев, Т. В. Цивьян. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 605–624.

Поспелов Е. М. Географические названия мира : топоним. словарь. М. : Рус. словари, 2002. 512 с.

РЭФ – Русский эротический фольклор : Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост. А. Л. Топорков. М. : Ладомир, 1995. 640 с.

Рябов О. В. Волга-матушка в советской пропаганде периода Сталинградской битвы // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., посв. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне : в 2 ч. Волгоград : Волгоград. гос. ун-т, 2015. Ч. 1. С. 115–120.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) : в 8 т. / под ред. Р. В. Семенковой. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Т. 5. 344 с.

Строганов М. В. Большая Волга в русском фольклоре // Фольклор Большой Волги : сб. науч. ст. / сост. В. Е. Добровольская и др. М. : Роскультпроект, 2017. С. 310–329.

Супрун В. И. Наш символ – Волга // Символы Волгоградской области : учеб. пособие / сост. С. В. Воротилова и др. М. : Глобус, 2008. С. 18–21.

ТКТЭ – Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Топоров В. Н. Еще раз о названии Волга // Языкознание. Литературоведение. История. История науки : К 80-летию С. Б. Бернштейна. М. : Наука, 1991. С. 47–62.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

ФСНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / сост. Н. А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008. Т. 1–2.

Чулков М. Д. Новое и полное собрание российских песен : в 5 ч. М. : Университет. тип. Н. Новикова, 1780–1781. Ч. 2. 208 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. Вып. 1–10.

Riabov O. “Mother Volga” and “Mother Russia”: on the Role of the River in Gendering Russianness // Meanings and Values of Water in Russian Culture. L. : Taylor & Francis, 2016. P. 81–97.

References

AKTE – *Antroponimicheskaya kartoteka Toponimicheskoi ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniiya i rechevoi kommunikatsii UrFU)* [The Anthroponymic Card Files of the Toponymic Expedition of Ural Federal University (Department of Russian Language, General Linguistics, and Speech Communication of Ural Federal University, Yekaterinburg)].

Andreev, V. N. (2016). Argoticheskie frazeologizmy, vkluchayushchie imena sobstvennyye i ikh omonimy [Argotic Idioms with Personal Names and Their Homonyms]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki v 3 ch.* Tambov, Gramota. No. 11 (65). Part 1, pp. 72–74.

Anikin, A. E. (2007). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Vol. 1–. Iss. 1. 368 p.

Belkin, D. I. (1998). Obraz Volgi-reki v strukture romana I. A. Goncharova “Obryv” [The Image of the Volga River in I. A. Goncharov's Novel *The Precipice*]. In Zhdanova, M. B. et al. (Ed.). *I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 185-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova*. Ul'yanovsk, Pechatnyi dvor, pp. 186–195.

Berezovich, E. L. (2014). *Russkaya leksika na obshcheslavianskom fone. Semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary in General Slavic Context. Sematic and Motivational Reconstruction]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 488 p.

Bunchuk, T. N. (2000). Repa v traditsionnoi kartine mira. (Opyt rekonstruktsii kontsepta) [The Turnip in the Traditional Worldview (An Attempt at Concept Reconstruction)]. In Khrolenko, A. T. (Ed.). *Lingvofol'kloristika: sbornik nauchnykh statei*. Vol. 3. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 44–56.

Chulkov, M. D. (1780–1781). *Novoe i polnoe sobranie rossiiskikh pesen v 5 ch.* [New and Complete Collection of Russian Songs. 5 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya N. Novikova. Part 2. 208 p.

Dahl, V. I. (1879). *Poslovitsy russkogo naroda v 2 t.* [Proverbs of the Russian People. 2 Vols.]. St Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa.

Dahl, V. I. (1994). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Progress.

Dahl, V. I. (2008). *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow, AST, Astrel'. 752 p.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Popular Dialects]. Moscow, Leningrad, St Petersburg, Nauka. Vol. 5. 344 p.

Getsova, O. G. (Ed.). (1980–). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Iss. 1. 168 p.

Kopylova, E. V. (2002). *Slovar' rybakov Volgo-Kaspiya* [Vocabulary of the Fishermen of the Volga and Caspian Region]. Moscow, Vodolei Publ. 192 p.

Kozhina, T. N., Lekomtseva, N. V. (2004). Volga kak pretsedentnyi znak russkoi kul'tury [The Volga as a Precedent Sign of Russian Culture]. In Dzharyl'gasinova, R. Sh., Suprun, V. I. (Eds.). *Onomastika Povolzh'ya: materialy IX Mezhdunarodnoi konferentsii po onomastike Povolzh'ya, Volgograd, 9–12 sentyabrya 2002 g.* Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, pp. 10–15.

KSRNG – Kartoteka Slovarya russkikh narodnykh govorov (Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN) [Card Files of Russian Popular Dialects (Linguistic Research Institute of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg)].

Kusmidinova, M. Kh. (2010). *Kontsept Volgi v istoriko-kul'turnom razvitii Rossii: filosofskii analiz* [The Concept of the Volga in Russian Historical and Cultural Development: Philosophical Analysis]. Avtoref. dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. Astrakhan', S. n. 19 p.

Leskinen, M. V. (2016). *Velikoross/velikorus. Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX* [Velikoross/velikorus. From the History of Ethnicity Construction. The 19th Century]. Moscow, Indrik. 680 p.

LKTE – Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoi ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniya i rechevoi kommunikatsii UrFU) [Vocabulary Card Files of the Toponymic Expedition of Ural Federal University (Department of the Russian Language and General Linguistics of Ural Federal University, Yekaterinburg)].

Melnichenko, G. G. (Ed.). (1981–1991). *Yaroslavskii oblastnoi slovar'* [Dictionary of Yaroslavl Region]. Yaroslavl, Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni K. D. Ushinskogo. Vols. 1–10.

Mikhelson, M. I. (1994). *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii v 2 t.* [Russian Thought and Speech. One's Own and That of Others. Russian Phraseology Practices. A Collection of Figurative Words and Allegories. 2 Vols.]. Moscow, Russkie slovari.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona* [The Great Dictionary of Russian Jargon]. St Petersburg, Norint. 720 p.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007). *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp. 785 p.

Nikolsky, V. A. (1973). *Priroda i chelovek v russkoi literature XIX veka* [Nature and Man in Russian Literature of the 19th Century]. Kalinin, S. n. 226 p.

Odessky, M. P. (2004). Volga – koldovskaya reka: Ot "Dvenadsati stol'ev" k "Povesti vremennykh let" [The Volga – a Magical River. From *The Twelve Chairs* to *The Tale of Bygone Years*]. In Belousov, A. F., Abashev, V. V., Tsivyan, T. V. (Eds.). *Geopanorama russkoi kul'tury. Provintsiya i ee lokal'nye teksty.* Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 605–624.

Pospelov, E. M. (2002). *Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskii slovar'* [Place Names of the World. Toponymic Dictionaries]. Moscow, Russkie slovari. 512 p.

Riabov, O. (2016). "Mother Volga" and "Mother Russia": On the Role of the River in Gendering Russianness. In *Meanings and Values of Water in Russian Culture*. L., Taylor & Francis, pp. 81–97.

Riabov, O. V. (2015). Volga-matushka v sovetskoj propagande perioda Stalingradskoi bitvy [Mother Volga in Soviet Propaganda of the Battle of Stalingrad]. In *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine in 2 ch.* Part 1. Volgograd, Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, pp. 115–120.

Semenkova, R. V. (Ed.). (1978–2006). *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya v 8 t.* [Dictionary of Russian Dialects in the Territory of the Mordvinian Republic. 8 Vols.]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta.

Stavshina, N. A. (Ed.). (2008). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhnei Pechory* [An Idiomatic Dictionary of the Russian Dialects of the Lower Pechora Region]. St Petersburg, Nauka. Vols. 1–2.

Stroganov, M. V. (2017). Bol'shaya Volga v russkom fol'klоре [The Great Volga in Russian Folklore]. In Dobrovolskaya, V. E et al. (Eds.), *Fol'klор Bol'shoi Volgi: sbornik nauchnykh statei.* Moscow, Roskul'tproekt, pp. 310–329.

Suprun, V. I. (2008). Nash simvol – Volga [Our Symbol – the Volga]. In Vorotilova, S. V. (Ed.), *Simvoly Volgogradskoi oblasti: Uchebnoe posobie.* Moscow, Globus, pp. 18–21.

TKTE – Toponimicheskaya kartoteka Toponimicheskoi ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniiya i rechevoi kommunikatsii UrFU) [Toponymic Card Files of the Toponymic Expedition of Ural Federal University (Department of the Russian Language, General Linguistics, and Speech Communication of Ural Federal University, Yekaterinburg)].

Toporkov, A. L. (Ed.). (1995). *Russkii eroticheskii fol'klор. Pesni. Obryady i obryadovyi fol'klор. Narodnyi teatr. Zagovory. Zagadki. Chastushki* [Russian Erotic Folklore. Songs. Rituals and Ritual Folklore. Popular Theatre. Spells. Riddles. Chastushkas]. Moscow, Ladomir. 640 p.

Toporov, V. N. (1991). Eshche raz o nazvanii Volga [More on the Name Волга]. In *Yazykoznanie. Literaturovedenie. Istoriya. Istoriya nauki. K 80-letiyu S. B. Bernsheina.* Moscow, Nauka, pp. 47–62.

Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Progress.

The article was submitted on 12.03.2018